

УДК 821.161

Гомон Андрей Михайлович

кандидат филологических наук,

доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики

Национальный технический университет

«Харьковский политехнический институт»

Gomon Andrey

PhD of Philology, Associate Professor of the Department of

Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics

National Technical University

«Kharkiv Polytechnic Institute»

СМЕХОВОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА (ПРОЗА НАЧАЛА 1900-Х ГГ.)

A LAUGHTER BEGINNING IN L. N. ANDREEV'S CREATIVITY (PROSE OF THE BEGINNING OF THE 1900-s YEARS)

Аннотация. В статье впервые осуществлен анализ ранней прозы Леонида Андреева под смеховым углом зрения. При этом получило подтверждение предположение ученых о смеховом начале как важном константном элементе произведений писателя, во многом определяющем их специфику.

Ключевые слова: образ-символ, смех, смеховое начало, ирония, гротеск, мотив.

Summary. The paper is the first analysis of Andreev's early prose from laughing point of view where laughing beginning is viewed as an integral component of the writer's laughing world. As a result of laughing interpretation of Andreev's prose its genuine innovative character and originality as well as its ideological and aesthetic value is revealed.

Key words: image-symbol, the laughter, laughing beginning, irony, grotesque, motif.

Творческое наследие Л. Н. Андреева, как и ряда других крупных писателей Серебряного века, в настоящее время вызывает растущий интерес и начинает существенно переосмысливаться и переоцениваться. Современное прочтение прозы, драматургии и публицистики Леонида Андреева должно способствовать уяснению истинного масштаба его художественного дарования и новаторского характера его творческого наследия. Несмотря на то, что с середины прошлого века андрееведение развивается бурными темпами, многие грани творчества писателя по-прежнему остаются «в тени».

Новейшие публикации художественных произведений, статей, фельетонов, писем, дневников, а также последние исследования «творческой лаборатории» писателя, со всей определенностью показывают несостоятельность и однобокость сложившегося в зарубежном и отечественном андрееведении устойчивого представления об Андрееве как о писателе сугубо трагического мироощущения, творчеству которого присуща лишь «поэтика страха, ужаса и тоски» (С. Роле) и безысходности. Между тем, сам

Андреев одной из важнейших задач своего творчества считал **смеховое** ниспровержение «вечных истин»: «Мне хочется потешиться над человечеством, хочется вволю посмеяться над его глупостью, эгоизмом, над его легковерием» [1, с. 62–63].

Современная писателю критика (Ю. Айхенвальд, К. Арабажин, В. Воровский, В. Львов-Рогачевский и др.) отмечала лишь сатирические тенденции в творчестве Андреева и, не видя многообразия составляющих «смеховой палитры» писателя, не пыталась разобраться в его оригинальной смеховой модели мира и человека. В большинстве работ 1960-х — начала 1980-х годов (Ю. Бабичевой, Л. Гальцевой, Л. Иезуитовой, С. Кирсиса, А. Мартини, Э. Полоцкой, Л. Силард и др.) имелся ряд важных суждений о смехе у Андреева. Но эти наблюдения носили фрагментарный характер и не складывались в обобщающую концепцию, определяющую своеобразие и роль смехового начала в художественной системе писателя.

Проблема всестороннего исследования специфики андреевского смеха со всей определенностью была впервые поставлена в 1983-м году в статье

В. Беззубова «Смех Леонида Андреева». Ученый предположил, что смеховое начало является «одним из важнейших в художественной системе Андреева, многое в ней проясняющим» [2, с. 14]. Частным развитием этой, во многом новаторской работы, стали исследования 1990-х — начала 2000-х годов (Б. Бугрова, Е. Михеичевой, И. Московкиной, Е. Соколинского, А. Татарина, С. Ясенского). Ученые акцентировали свое внимание, в основном, на роли и функциях андреевского гротеска, истолкованного как «сверхсистема» (Е. Соколинский), или как важная составляющая различных жанров прозы и драматургии писателя (И. Московкина, Б. Бугров).

Таким образом, накопленные наблюдения, при всей их фрагментарности и некоторой противоречивости, свидетельствуют о гораздо большем значении смехового начала в художественной системе Андреева и о большей степени его новаторства, чем это представлялось до настоящего времени.

По мнению украинско-немецкого литературоведа и поэта О. Бургхардта (Юрій Клен), отношение Андреева к смеху можно выразить словами Ф. Ницше: «Убивают не гневом, а смехом» [3, с. 171]. Уже в самой ранней андреевской прозе смех начинает тяготеть к злему и убийственному и выступает как лейтмотив и художественная форма выражения откровенной враждебности внешнего мира страдающему человеку Новейшего времени («Смех» (1901), «Стена» (1901), «Мебель» (1902), «Вор» (1904) и др.). Смеховые реакции продуцируются субъективным сознанием человека в персонифицированном виде и становятся устойчивыми образами-символами и мифологемами. Возникает образ-символ Смеха, как сопутствующий судьбе человека. Одновременно смех выступает и как выражение трагической дисгармонии внутреннего мира самой личности XX века («Большой шлем» (1899), «Ложь» (1901), «В подвале» (1901), «Предстояла кража» (1902) и др.). В обоих случаях постоянно звучащий злобный и кощунственный («сатанинский») смех, тесно взаимодействуя с мотивами маски, игры, ряженя, шутовства, выступает в качестве символа мироустройства и носит разрушительный характер. Подобный смех, выявляя потаенную сущность человека, указывает на ограниченность его возможностей и претензий и несет не облегчение и очищение, а сумасшествие и смерть. Такая деструктивная, «демоническая» функция смеха является доминирующей для большинства произведений Андреева конца 1890-х — начала 1900-х годов.

В прозе начала 1900-х годов Андреев начинает развенчивать современных претендентов в «сверхчеловеки». Начатая «Рассказом о Сергее Петровиче» (1900) эта тема станет сквозной на протяжении всего последующего творчества писателя. В этом произведении смех оказывается чрезвычайно значимым и звучит в нем почти непрерывно. Сергей Петрович окружен незримым ореолом смеха, сопровождаю-

щим его на всем жизненном пути. Смех становится важным мотивным компонентом мыслей и поступков героя, что сближает его с анекдотическим героем. От смеха окружающих герой находит забвение и иллюзорное спасение в чтении Ницше, под влиянием которого он решается на самоубийство. «Рассказ о Сергее Петровиче» можно интерпретировать как «скверный анекдот» об излишне впечатлительной «жертве Ницше» и его «книжки для всех и ни для кого». В то же время, в финале произведения ирония сопровождается трагизмом, а в трагедии проглядывает смеховое начало. Трагедийность повествования сменяется грустным анекдотом о некоммуникабельности, о том, «как скверно действует на молодых людей одиночество» [4, т. 1, с. 245].

В «Мысли» (1902) именно смех, начало деструктивное и одновременно выполняющее обличительную функцию, является одним из импульсов к преступлению (убийству приятеля) главного героя повести. На предложение доктора Керженцева Татьяна Николаевна отвечает смехом, который смертельно поразил и разоблачил несостоятельность мыслей и существования героя. Смех вызывает в нем чувство неуверенности и страха, что и приводит к мысли о мести и убийстве. Керженцев не может простить женщине и свой собственный смех, которым он ответил на ее отказ, так как он выдает оскорбленное тщеславие «сверхчеловека», вдруг «возмечтавшего о браке». Смех героини с новой силой ввергает Керженцева в мучительное одиночество и окончательно убивает надежду на его преодоление.

В «Жизни Василия Фивейского» (1903) смех также выполняет немаловажную функцию. Нервный смех о. Василия является устойчивым признаком его психической неуравновешенности и указывает на деформацию его сознания под воздействием «сурового и загадочного рока». Идиот как носитель деструктивного смеха, символизирует представление автора о миропорядке. Являясь постоянным спутником развития изменений в психике о. Василия, смех Идиота гротесково корректирует и оттеняет мысли и поступки священника. В финале повести злобный смех Идиота связывает воскресение с безумием и символизирует окончательную победу иррационального начала над Фивейским. «Хохот кощуна» (В. Беззубов) в восприятии героя разрушает церковь и убивает священника, становясь парадоксальным апофеозом его телесной и душевной смерти.

Подобную природу имеет смех и в повести «Красный смех» (1904). Он является непосредственным выражением взаимообусловленности потрясенного «разорванного» сознания героев и распада, хаоса их социального бытия. Однако, если в «Жизни Василия Фивейского» такое сопряжение концентрируется только в образе о. Василия, то в «Красном смехе» оно присуще большинству персонажей, которые оказываются подверженными сумасшествию. Под воздействием «безумия и ужаса» войны большое

воображение героев причудливо соотносит и соединяет «смех» и «красное» в единую смысловую пару. Специфическая авторская метафора войны («красный смех») выступает в повести как изначально абсурдистское, гротесковое совмещение цвета и звука, и наполняется определенным логико-образным содержанием. Чем больше братья впадают в помешательство, тем чаще и навязчивее перед их глазами возникает кошмарная картина красного смеха, вырастающего из конкретных впечатлений. Оба брата-рассказчика, по Дж. Вудворду, «испытывают губительное воздействие безумного смеха войны, как и Василий Фивейский — безумного смеха Идиота» [5, с. 105]. Постепенно красный смех из абстракции большого сознания героев разрастается до обобщения и становится самостоятельным образом-символом, утрачивает нарицательность и обретает собственное имя: «Красный Смех», —

впервые в тексте повести с большой буквы [6, т. 4, с. 143–144]. В «Собрании сочинений Л. Н. Андреева в 6-ти томах» слово «смех» напечатано с маленькой буквы [4, т. 2, с. 73], что существенно искажает финальный авторский замысел. В новейшем «Полном собрании сочинений и писем Л. Н. Андреева в 23-х томах» эта досадная опечатка исправлена [7, с. 80]. В финале *Красный Смех* символизирует не только военный психоз, но и сумасшествие всей земли, всего человечества, когда его разум «начинает мутиться».

Таким образом, уже та частота, с которой Андреев использует мотив смеха-убийцы в произведениях обозначенного периода, позволяет сделать вывод о его особой значимости для писателя. Это подтверждает актуальность изучения специфики, места и роли смехового начала в художественном мире писателя, а также его влияния на литературный процесс XX столетия.

Литература

1. Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / сост., вступ. ст. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. — 428 с.
2. Беззубов В. И. Смех Леонида Андреева / Творчество Леонида Андреева: исследования и материалы. Курск: КГПИ, 1983. — С. 13–24.
3. Burghardt O. Die Leit motive bei Leonid Andrejev: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen und Naturwissenschaftlichen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster (Westf.). Münster, 1941. — 201+4 S.
4. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1990–1996. Т. 1–6.
5. Woodward J. B. L. Andrejev: A Study. Oxford: Clarendon Press, 1969. — 475 p.
6. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1913. — Т. 1–8.
7. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2017. — Т. 4. — 765 с.